

Во-вторых, необходимо международно-правовое закрепление гуманитарного аспекта выборов, т.е. правовое обеспечение повышения электоральной активности, создания равных условий и возможностей участия в выборах, в том числе в качестве кандидатов, для мужчин и женщин, представителей национальных меньшинств и этнических групп, для лиц с физическими недостатками.

В-третьих, нужно совершенствование методологии международного наблюдения за выборами и оценки их результатов.

Опыт показывает, что закрепление демократических стандартов выборов, избирательных прав и свобод в международном формате позволяет заложить более прочный международный правовой фундамент для реализации и защиты прав и основных свобод человека и гражданина.

International elections' standards: achievements and problems (Summary)

*Sergei N. Dorofeev**

This article is devoted to international cooperation of Russia with the partner structures of foreign states on a bilateral basis and developing relations on a multilateral basis within international organizations concerned with the assurance of civil rights and election and referendum problems. Representatives of the CEC of Russia are constantly engaged in activities of international organizations elaborating the topics of actualization obligations in the electoral domain.

The main aim the article is to show the international standards of democratic elections: periodic and mandatory, free, genuine, fair, open and public elections based on universal and equal suffrage and held by secret vote or by equivalent free voting procedures assuring to voters the freedom of voting with effective judicial protection, effective civic (public) and international monitoring.

* Sergei N. Dorofeev – post-graduate student of the Chair of State administration and law, International Institute of Administration, MGIMO University MFA Russia.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Из отечественного опыта заключения соглашений о статусе воинских формирований на иностранных территориях

*Тузмухамедов Б.Р.**

21 апреля 2005 г. в ходе заседания Совета Россия-НАТО в Вильнюсе министр иностранных дел РФ С.В. Лавров подписал Соглашение между государствами – участниками НАТО и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира», о статусе их сил. Годом позже в Софии от имени России был подписан Дополнительный протокол к этому Соглашению. Государственная Дума приняла закон о ратификации этих документов 25 мая 2007 г.

Напомним: программа «Партнерство ради мира» (ПРМ) была принята НАТО в 1991 г.¹ с целью создания условий для сотрудничества между Организацией Североатлантического договора и государствами, не входящими в альянс, в различных областях, включая сферу обороны и безопасности, оперативного реагирования на кризисы и их урегулирования. Россия присоединилась к ПРМ 22 июня 1994 г.; ее реализация отнесена к одной из приоритетных областей консультаций и сотрудничества в рамках Основополагающего Акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между РФ и НАТО от 27 мая 1997 г.² Участие в ПРМ предполагает, среди прочего, проведе-

* Тузмухамедов Бахтияр Раисович – заместитель главного редактора МЖМП.

¹ Партнерство ради мира: Рамочный документ. Принят на встрече глав государств и правительств стран – членов НАТО в Брюсселе 10 января 1994 г. Текст см.: Дипломатический вестник. 1994. № 13–14, июль. С. 32–33.

² Текст см.: Дипломатический вестник. 1997. № 6, июнь. С. 4–10. См. также: Ю.А. Решетов. К вопросу о юридическом характере Парижского Акта // МЖМП. 1997. № 4. С. 286–291.

ние совместных учений для отработки международных операций по поддержанию мира, поиску, спасанию и оказанию гуманитарной помощи при возникновении стихийных бедствий или техногенных катастроф. Такие учения, равно как и собственно коалиционные операции, предполагают перемещение на иностранную территорию или через нее персонала, в том числе военнослужащих, а также техники и прочих средств, включая вооружение и боеприпасы. Урегулировать правовой статус персонала и имущества призваны соглашения о статусе сил³.

Для нашего государства участие в такого рода соглашениях не является чем-то новым или малознакомым. При желании некоторые их элементы можно усмотреть в мирном договоре, заключенном князем Игорем с Грецией в 944 г.⁴ (по другим данным – в 945 г.⁵). Статьи договора, относившиеся к совместной обороне, предусматривали взаимное предоставление войск для ведения боевых действий против общих врагов, при этом если греческие войска могли придаваться русским дружинам только в их иностранных походах вблизи греческой территории, то дислокация русских войск допускалась и на землях Греции. Можно предположить, что в этом случае на последние распространялись те положения договора, которые регулировали статус иностранцев, включая определенные привилегии и иммунитеты для лиц, находящихся на службе князя.

Вполне отчетливые указания на статус вооруженных сил содержались в российско-китайской Конвенции о Ляодунском полуострове 1898 г., на основании которой России предоставлялись в аренду китайские порты Люшунь-коу (Порт-Артур) и Та-лянь-вань. В соответствии со ст. VI Конвенции на «арендуемой русским правительством территории и на прилегающем к оной водном пространстве все военное командование..., а равно и высшее гражданское управление будет всецело предоставлено русским властям»⁶. Впрочем, если Конвенцией специально оговаривалась юрисдикция китайских властей в отно-

³ Наиболее исчерпывающим из известных нам трудов по данной проблематике является *The Handbook of the Law of Visiting Forces*/Ed. Dieter Fleck. Oxford University Press, 2001, xxxv, 625 p. Рец.: А.В. Демуренко. Войска на иностранных территориях – по какому праву? // МЖМП. 2002. № 1. С. 221–226.

⁴ Н.М. Карамзин. История государства Российского. Кн. I, том I, М., 1988 (репринт. изд.). С. 93–94.

⁵ История дипломатии / Под ред. В.П. Потемкина. Том первый. М., 1941. С. 114–115.

⁶ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 310.

шении собственных граждан, совершивших преступления в пределах арендуемой территории, то ситуации, когда правонарушение совершалось бы российским военнослужащим вне этой территории, прямо не регулировались.

Любопытная правовая коллизия в связи со статусом военнослужащих, находящихся на иностранной территории, была вызвана дезертирством одного военного моряка, входившего в состав экипажа российского военного корабля. Примечательность истории не только в том, что это был за корабль, но и в том, что дело беглеца дошло до высшей судебной инстанции государства, где развернулись события.

В октябре 1899 г. на филадельфийской верфи «Крэмп и сыновья» был спущен на воду крейсер «Варяг». Он достраивался у заводского причала, а для приемки и перегона его в Россию в США прибыл экипаж, в состав которого входил фельдшер по имени Лев Александров. В апреле 1900 г. Александров исчез, а несколькими днями позже обнаружился в Нью-Йорке, где объявил об отказе от российского подданства и намерении получить гражданство США.

Командир «Варяга» Владимир Бэр обратился за помощью к российскому вице-консулу в Филадельфии Уильяму Такеру, и тот, действуя на основании статей VIII и IX российско-американского Договора 1832 г., добился ареста Александрова и помещения его под стражу. В частности, в соответствии со ст. IX Договора «консулы, вице-консулы и коммерческие агенты уполномочены требовать содействия местных властей для розыска, ареста, задержания и помещения под стражу дезертиров, оставивших военные корабли своих стран»⁷.

Однако это решение было обжаловано в федеральный районный суд, и тот постановил освободить Александрова из-под стражи по следующим основаниям: во-первых, к моменту оставления фельдшером места расквартирования российских моряков «Варяг» был не военным кораблем, а всего лишь корпусом, которому только предстояло стать крейсером; во-вторых, заявитель не успел стать членом экипажа, да и будущий корабль не мог тогда иметь экипажа в истинном значении этого слова, поэтому те, кто должен был на нем служить, еще к службе не приступали; в-третьих, в суд не были представлены требуемые Договором 1832 г. документы, подтверждающие принадлежность Александрова к экипажу⁸.

⁷ *The Public Statutes at Large of the United States of America*. Vol. VIII. Boston, 1867. P. 448.

⁸ Материалы дела излагаются по собранию решений Верховного Суда США: *United States Reports* 183 (1902). P. 424 et seq.

Дело, получившее название *Tucker v. Alexandroff*, дошло до Верховного Суда США, который январе 1902 г. вынес по нему решение большинством всего лишь в один голос. Суд истолковал положения Договора 1832 г. в пользу российских властей, указав, что «поскольку договоры представляют собой торжественные обязательства, принимаемые на себя независимыми нациями во имя достижения их общих интересов и интересов цивилизации в целом, и поскольку их основной целью является не только избежание войны и обеспечение прочного и вечного мира, но и укрепление дружеских чувств между народами двух стран, их следует толковать именно в таком широком смысле и либеральном духе во имя осуществления неизменных дружественных отношений, в той степени, в которой эта цель может быть достигнута без принесения в жертву индивидуальных прав и тех принципов личной свободы, которые лежат в основе нашей юриспруденции».

Суд отверг первый довод представителей Александрова, указав, что «корабль начинает жить с момента спуска на воду..., и когда его киль касается воды, он обретает собственную личность, становясь субъектом адмиралтейской юрисдикции». Второй довод не был найден убедительным в силу того, что Александров находился на военной службе, срок которой еще не истек, прибыл он в Филадельфию в составе организованного воинского формирования, находившегося под единым командованием, единственно с целью действий в составе экипажа будущего крейсера. И хотя корабль еще не был принят комиссией и зачислен в состав флота, он уже был собственностью Российского государства и предназначался исключительно для службы на военноморском флоте России. Наконец, Верховный Суд США нашел, что Александров, будучи призван на военную службу, обязан был подчиняться приказам командования и не мог обсуждать решения старших начальников о направлении его в США. Документами, предусмотренными Договором 1832 г., служили эти самые приказы.

Надо сказать, что в не меньшей степени, чем на Договор 1832 г., Верховный Суд полагался на собственную прецедентную практику, прежде всего на известное решение по делу *The Schooner Exchange v. McFaddon*⁹, в котором он заявил, что предоставление правительством права свободного прохода через свою территорию войскам дружественного государства «предполагает отказ от всякой юрисдикции над вой-

⁹ Приводится по собранию решений Верховного Суда США, издававшемуся частным издательством Крэнча: Cranch 7 (1812). P. 116 et seq.

сками во время их прохода, и позволяет иностранному генералу обеспечивать такую дисциплину и применять такие меры наказания, какие может потребовать правительство, которому служит его армия».

И в более поздний период мы находим немало примеров регулирования пребывания теперь уже советских войск на иностранных территориях, в том числе примеров подзабытых или менее известных. Так, рядом документов¹⁰ регулировался статус советских войск, введенных в Иран на основании статьи VI Договора между РСФСР и Персией 1921 г.¹¹ В соглашениях, которые Правительство СССР заключило с правительствами Польши и Чехословакии в преддверии освободительного похода Красной Армии в Европу, в идентичных формулировках оговаривалось подчинение всех лиц, принадлежащих к советским войскам на территориях этих государств, юрисдикции советского Главнокомандующего, а польских и чехословацких военнослужащих и гражданских лиц – соответствующей национальной юрисдикции, даже в случае совершения преступлений против советских войск, за исключением преступлений, совершенных в зоне военных операций¹².

Примерами послевоенного урегулирования статуса советских войск за границей могут служить договоры, заключенные в связи с арендой финской территории Порккала-Удд и совместным использованием Порт-Артура.

Аренда Порккала-Удд, расположенного к западу от Хельсинки, была оговорена уже в Соглашении о перемирии между СССР и Велико-

¹⁰ См., в частности, ст. 4 Договора о союзе между СССР, Великобританией и Ираном от 30 января 1942 г. – Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том I. М., 1946. С. 219–220.

¹¹ «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватную (так в оригинале. – Б.Т.) политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам РСФСР или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы, в интересах самообороны, принять необходимые военные меры. По устранении данной опасности, Российское Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии». – Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Выпуск II. М., 1921. С. 37–38.

¹² Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том II. М., 1946. С. 125, 158.

британией, с одной стороны, и Финляндией – с другой, от 19 сентября 1944 г.¹³ В соответствии с Соглашением «территория и водные пространства в районе Порккала-Удд» передавались Финляндией Советскому Союзу «для организации советской военно-морской базы на правах аренды в пользование и управление сроком на 50 лет». Правительство Финляндии обязалось предоставить Советскому Союзу право прохода по водным, железнодорожным, шоссейным, пролета по воздушным путям для сообщения с военно-морской базой, а также право беспрепятственного пользования всеми видами связи. В дальнейшем эти положения были подтверждены Мирным договором с Финляндией 1947 г. (ст. 4)¹⁴. Оба документа содержали минимум указаний на статус советских сил на арендованной территории, однако можно с большой долей вероятности предположить, что военно-морская база Порккала-Удд была анклавом, жившим по своему уставу и имевшим минимум контактов с финскими властями и населением. Надо сказать, что эта база, расположенная ровно напротив баз советского Балтийского флота в Эстонии, позволяла «запирать» Финский залив на дальних подступах к Ленинграду, что определяло ее стратегическое значение.

Однако уже в 1948 г. СССР и Финляндия заключили Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, а вскоре, в духе новых отношений с недавним противником во Второй мировой войне, и Соглашение об отказе Советского Союза от прав на использование территории Порккала-Удд для военно-морской базы и выводе советских вооруженных сил с этой территории 1955 г.¹⁵ Финляндия безвозмездно получила всю недвижимость – жилые и складские строения, причалы и т.д.

Что касается Порт-Артура, который Россия потеряла после неудачной войны с Японией 1904–1905 гг., он стал предметом соглашения¹⁶, входившего в пакет советско-китайских документов, сопровождавших Договор о дружбе и союзе между СССР и Китайской Республикой и подписанных 14 августа 1945 г. Соглашением оговаривалось совместное использование Порт-Артура в качестве военно-морской базы на

период 30 лет. Оно не решало вопросов юрисдикции, однако другим актом из упомянутого пакета – Соглашением об отношениях между Советским Главнокомандующим и Китайской Администрацией после вступления советских войск на территорию Трех Восточных Провинций Китая в связи с настоящей совместной войной против Японии¹⁷ – предусматривался порядок осуществления и пределы юрисдикции, аналогичные содержащимся в уже рассмотренных соглашениях с Польшей и Чехословакией. Эти соглашения СССР заключил еще с гоминдановским правительством, а уже в 1949 г. к власти в Китае пришло правительство под руководством Мао-Цзедуна, с которым 14 февраля 1950 г. был заключен новый пакет соглашений, включавший Соглашение о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем¹⁸. Срок пребывания советских войск в Порт-Артуре сокращался до момента заключения мирного договора с Японией, но не позднее конца 1952 г. Окончательно же вывод советских вооруженных сил, сопровождавшийся безвозмездной передачей правительству КНР всех построенных СССР сооружений в районе Порт-Артура, был завершён к 24 мая 1955 г., что было оформлено соответствующими документами¹⁹.

Достаточно подробно был урегулирован статус советских войск, размещенных в ГДР, Польше, Венгрии и Чехословакии. А главное, основные соглашения были доступны для исследователя, чего, кстати, не скажешь о документах, определявших статус формирований и объектов Вооруженных Сил СССР в Афганистане, во Вьетнаме или на Кубе. Обстоятельства появления советского военного присутствия в восточноевропейских государствах были разными, оформление статуса сил осуществлялось *post factum*, однако соглашения весьма подробно регламентировали вопросы юрисдикции, отношений между военным командованием и гражданскими властями стран пребывания. Эти соглашения, равно как и соглашения о выводе советских войск, достаточно подробно рассматривались в юридической литературе²⁰, поэтому здесь

¹⁷ Там же. С. 471–473.

¹⁸ Внешняя политика Советского Союза 1950 год. М., 1953. С. 61–63.

¹⁹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XVI. М., 1957. С. 15–16.

²⁰ См., например: Арцибасов И.Н. Правовой статус советских войск, военнослужащих и членов их семей, находящихся за рубежом. М., 1977; Арцибасов И.Н., Глебов И.Н. Международно-правовое регулирование пребывания советских войск на территории некоторых государств – участников Варшавского договора. М. (Военный Краснознаменный

на них мы задерживаться не будем. Не был обойден вниманием и статус российских войск на территориях ряда государств, ранее входивших в состав СССР²¹.

Наконец, за последние годы Россия подписала двусторонние соглашения с Германией²² и Францией²³ о транзите военного имущества и персонала через территорию РФ в связи с участием вооруженных сил этих государств в операции в Афганистане, а с Китаем – о статусе воинских формирований государств-участников, временно находящихся на территориях друг друга для проведения совместных учений²⁴.

Насколько нам известно, вскоре после присоединения России к ПРМ со стороны НАТО стали предприниматься усилия к вовлечению РФ в систему Соглашения о статусе сил государств – участников Североатлантического договора и других государств, участвующих в Программе. В какой-то момент, видя неготовность российской стороны пойти на этот шаг, США предприняли зондаж с целью выяснения возможности заключения подобного соглашения с Россией на двусторонней основе. Можно предположить, что негативное отношение влиятельных российских кругов к Соглашению, помимо объяснимой подозрительности к недавнему «вероятному противнику», отчасти обуславливалось тем, что, будучи само по себе всего лишь процедурным, оно распространяло на участников Соглашение о статусе сил НАТО 1951 г. Впрочем, следует отметить, что Соглашение о статусе сил в рамках ПРМ не допускает автоматического ввода сил НАТО на территории внеблоковых участников Программы, базирования или транзита. В преамбуле специально оговорено, что «решения о направлении и принятии Сил будут по-прежнему регулироваться отдельными соглашениями между государствами-участниками».

Пагубно повлияли на перспективы подписания Соглашения и такие акции, как применение вооруженных сил НАТО против Югославии и вторжение в Ирак коалиции во главе с США и Соединенным Королевством. Кстати, подписание Россией двусторонних соглашений

институт), 1985; Глебов И.Н. Некоторые теоретические вопросы правового статуса советских войск, находящихся на территории ВНР, ГДР, ПНР и ЧССР. – В кн.: Сборник статей № 21 (Военный Краснознаменный институт). М., 1985. С. 178-184.

²¹ См., например: Russian Forces in the Commonwealth of Independent States. – In: The Handbook of the Law of Visiting Forces, p. 432-436.

²² Собрание законодательства РФ, 7 марта 2005 г., № 10, ст. 766.

²³ Бюллетень международных договоров. 2006. № 4. С. 35–39.

²⁴ Бюллетень международных договоров. 2006. № 3. С. 48–58.

о военном транзите, который вполне мог быть урегулирован Соглашением в рамках ПРМ, с Германией и Францией, не поддержавшими операцию против Ирака, было явно демонстративным шагом. Даже после подписания Соглашения и Дополнительного протокола порой возникали сомнения в его дальнейшей судьбе. Так, в сентябре 2006 г. по инициативе Министерства обороны РФ впредь до ратификации были отменены запланированные и подготовленные совместные российско-американские военные учения «Торгау-2006». В качестве основания была названа «неурегулированность вопросов, связанных со статусом иностранных военнослужащих на территории Российской Федерации»²⁵. В прошлом, даже в отсутствие соглашения такие учения проводились, а статус привлекаемых к ним воинских формирований урегулировался специальными договоренностями.

Редколлегия полагает, что читателям будет интересно и полезно ознакомиться как с Соглашением между государствами – участниками Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе «Партнерство ради мира», о статусе их Сил и Дополнительным протоколом к нему (оба от 19 июня 1995 г.), так и с Соглашением между государствами – участниками Североатлантического договора о статусе их Сил от 19 июня 1951 г., с которым первые два договора неразрывно связаны. Мы также публикуем Федеральный закон о ратификации Соглашения и Дополнительного протокола, содержащий примечательные заявления, указывающие на стремление России ограничить возможности расширительного толкования отдельных положений этих актов.

²⁵ Сообщение Управления информации и общественных связей МО РФ – см.: <http://www.mil.ru/info/1069/details/index.shtml?id=16329>

Russian Experience with Status of Forces Agreements (Summary)

*Bakhtiyar R. Tuzmukhamedov**

Prompted by the recent ratification by Russia of the Agreement among the States Parties to the North Atlantic Treaty and the other States Participating in the Partnership for Peace regarding the Status of their Forces and the Additional Protocol thereto, signed by Russia in, respectively, 2005 and 2006, this article discusses relevant Russian (and Soviet, for that matter), experience regarding the status of its own forces on foreign soil, as well as that of foreign military units on the Russian land.

The author looks for applicable examples as far as Medieval Times and suggests that as early as in 944 A.D. Russian Prince Igor concluded an agreement with Greece that contained elements of the status of forces. Further examples include the Russo-Chinese Convention on Liaodong Peninsula of 1889 and most notably treaties concluded in the aftermath of the World war two. Of particular interest to the reader would be a historical legal anecdote that draws its origins from a defection of a Russian sailor in 1900 from the Russian warship “Variag” then being outfitted in Philadelphia, PA. The case known as *Tucker v. Alexandroff* finally reached the US Supreme Court and was decided in 1902 with the majority heavily leaning on what in modern terms may be described as the law of visiting forces.

Subsequent periods, both Soviet, and early post-Soviet provide a host of examples of Soviet and Russian participation in the status of forces agreements. In the author’s opinion, they have been part of this country’s international treaty experience since times immemorial.

* Bakhtiyar R. Tuzmukhamedov – deputy editor-in-chief of the Moscow Journal of International Law.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Последствия несоблюдения формы сделок по немецкому гражданскому праву

*Татаркина К.П.**

Германское гражданское уложение (*Bürgerliches Gesetzbuch*, далее – ГГУ), как и многие другие правовые порядки мира, при регулировании формы сделок исходит из принципа свободы формы совершения сделки¹, однако не содержит специальной нормы, провозглашающей свободу формы. Параграф 91 проекта ГГУ, предусматривающий свободу формы сделки, был исключен его разработчиками как излишний².

Признавая свободу формы договора, германское законодательство устанавливает ряд исключений из этого принципа, обязывая стороны в некоторых случаях совершать сделку в определенной форме (например, § 780, 781 ГГУ). Несоблюдение предусмотренной законом формы сделки вызывает неблагоприятные для сторон последствия. При этом причина ненадлежащего оформления сделки, как правило, не имеет значения.

ГГУ закрепляет общие последствия несоблюдения форм сделок. Первое предложение § 125 предусматривает, что сделка, при совершении которой не соблюдена форма, *установленная законом*, недействительна (ничтожна) (*ist nichtig*). Ничтожность сделки по германскому гражданскому праву является единственным последствием несоблюдения

* Ксения Павловна Татаркина – магистр права (Пассау, Германия), аспирант кафедры гражданского права Юридического института Томского государственного университета.

¹ См.: Paland O., Heinrichs H. Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch. - München, 2006. 65. Auflage. § 125. Rn. 1.

² См.: Plewe L.- I. Die gesetzlichen Formen des Rechtsgeschäfts. Aachen: Schacker Verlag, 2003. S. 2